

ЯРОСЛАВ СЕВЕРЦЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОДА

НАСЛЕДИЕ СЕМИЦВЕТЬЯ

ТОМ 10

18+

Ярослав Северцев

**Последний из рода
Наследие семицветья Том 10**

«Автор»

2026

Северцев Я.

Последний из рода Наследие семицветья Том 10 / Я. Северцев —
«Автор», 2026

Капкан захлопнулся. Столица Российской Империи больше не верит министерским отчетам, а Правительствующий Сенат готов разыграть свою последнюю, самую жестокую силовую карту. Шестнадцатилетие Демида Димидова — это не просто день рождения, а юридическая и физическая черта, за которой его родовое гнездо и суверенные уральские заводы могут навсегда перейти под внешнее управление Министерства финансов. Пережив ледяной ад Таймыра и разгромив врагов на столичной бирже, Когорта обреченных возвращается домой. Но ловушка Двора уже взведена, и самый болезненный тактический удар будет нанесен теми, от кого его меньше всего ждали. В этой беспощадной войне на уничтожение чистая сила Истинного Горнила больше не гарантирует триумф — за каждую ошибку расчета Демиду придется платить кровью и шрамами своей тайной гвардии.

Ярослав Северцев

Последний из рода

Наследие семицветья Том 10

Глава 1. Тени на перроне

Родной уральский воздух всегда пах иначе. В нём не было столичной сырости Невского проспекта, пропитанной гнилой невосковой водой и дорогим салонным парфюмом министерских чиновников. Здесь, на частном вокзале княжества Демидовых, воздух был сухим, колючим и звенящим от близкой горной стужи. Он пах канифолью, гарью вековых лиственничных лесов и тем особым, едва уловимым железным привкусом, который исходил от сотен автономных плавильных цехов Нижнего Тагила. Уральский гранит держал это небо, и я, ступив на обледенные булыжники перрона, впервые за три месяца почувствовал, что стою на собственной земле.

Моё строгое черное драповое пальто было застегнуто на все пуговицы, надёжно скрывая серый мундир вольнослушателя. На левом лацкане тускло, но весомо поблескивал серебряный Георгиевский крест четвертой степени — награда Генерального штаба за полярный дозор на Таймыре. Столица могла считать меня «пустоцветом», калекой без официально признанного ядра маны, но этот крест, добытый в крови и ледяном крошеве Ущелья Ветров, затыкал рот любому бюрократу Сената ещё до того, как он успевал открыть свой министерский рот.

За моей спиной ровным, лаконичным строем двигалась моя Когорта. Моя гвардия, которую я лично выковывал в подвалах Санкт-Петербурга и на заснеженных плацах фортов Крайнего Севера.

Алексей Морозов шел чуть правее, размашисто ведя широким плечом под сукном серой шинели. Его правая рука, тяжело обожженная собственным сибирским пламенем второго ранга во время крушения пространственного коридора на Таймыре, теперь была плотно затянута черной кожей рукавицы и надёжно покоилась за ремнем португеи. Казак ухмылялся в аккуратно подстриженные усы, а его левая рука мертвой хваткой удерживала ложку модернизированного карабина. Он был спокоен той дремучей, опасной статью сибирского самородка, который знает цену своему огню.

Рядом с ним Кузьма Попов бережно, словно хрустальный артефакт, прижимал к бедру матовый вольфрамовый раструб «Акустического Горна», наспех укрытого плотным брезентовым чехлом. Венушчатое лицо внука великого акускопа было сосредоточенным и непривычно серьезным. Таймырский пятидесятипроцентный овердрайв, когда его прибор едва не размазал собственное тело обратной акустической волной, выжг из парня остатки детской суетливости. Его меридианы звука, забитые копотью и мазутом, ещё поднывали, но в серых глазах больше не было паники. Там запеклась сталь.

Кристина Волкова двигалась чуть позади меня, контролируя периметр. Её зеленые глаза за стеклами защитных инженерных очков педантично фиксировали малейшие колебания внешнего эфира. В её руках был зажат открытый инженерный блокнот, а серебряные браслеты-резонаторы на узких запястьях тихо, едва слышно поскрипывали, удерживая вокруг нас тончайший пространственный щит ложных частот. Она была моим Главным Архитектором, моим разумом в этой тактической схеме, и её холодная, профессиональная снисходительность сейчас работала как безупречный хронометр.

Степан Лисицын и Анна Вяземская замыкали шеренгу. Коренастый казак Лисицын чеканя шаг вел под руку хрупкую северную княжну. Анна, едва не погибшая в капони́ре от ледяной пики якутского ликвидатора, шла самостоятельно, твердо опираясь на обледенный настил. Её бледные щеки налились легким здоровым румянцем, а суконное плечо шинели, пробитое насквозь, теперь было аккуратно залатано латунными инженерными скрепками. Про-

зрачно-голубой поток магии жизни, который она влила в моё Горнило во время критической перегрузки, парадоксальным образом запустил обратную регенерацию в её собственной системе, преобразовав её.

На перроне, выстроившись идеальным, звенящим боевым каре, нас ждала личная дружина моего покойного отца Кирилла Святославича. Более двухсот гвардейцев в тяжелых броневых кирасах уральскойковки держали скорострельные карабины у груди. Их монолитный строй дышал вековой преданностью роду Демидовых.

Возглавлял встречу генерал Григорий Шелестов. Старый воитель магии металла первого ранга стоял в самом центре платформы, заложив руки за спину. Его седые, жесткие усы были безупречно подстрижены, а на парадном темно-зеленом мундире тускло горел такой же золотой орден Святого Георгия, как и у меня. При моем приближении старый генерал дружины синхронно вскинул правую руку к козырьку фуражки, и его жесткая, звенящая аура накрыла перрон тяжелой волной армейского признания.

— С возвращением домой, княжич, — глухо, со скрытой, глубокой гордостью произнес Шелестов, делая шаг вперед и крепко пожимая мою правую руку. Его ладонь была жесткой, как литой чугун, а пальцы пахли ружейным маслом. — Санкт-Петербург до сих пор трясется от официальных рапортов полковника Левашова. Ты задал столичным фаворитам такого жару, что министерские крысы в Сенате до сих пор икают. Твой отец Кирилл гордился бы тобой. Настоящий димидовский почерк — раскатать элитный загон Карамзиных без единого выстрела лагерьной артиллерии.

— Рад видеть вас в здравии, дядя Гриша, — ровно, сочной свинцовой интонацией ответил я, коротко наклонив голову. Моё лицо под глубоким козырьком кепки оставалось маской ледяного спокойствия правителя. — Урал принял наши условия. Но я вижу по вашим глазам, что радоваться рано. Что с Сенатской комиссией?

Шелестов хмуро сплюнул под колеса остывающего локомотива, и его шрамы на щеке злое дернулись в багровых отсветах вокзальных фонарей. Он понизил голос до сухого шелеста пергамента, увлекая меня в сторону от строя дружинников:

— Экспертный курьерский дирижабль Правительствующего Сената три часа назад пересек деривационную линию уезда. Граф Петр Карамзин лично возглавляет Имперскую коллегию экспертов. Они везут с собой калиброванные министерские сканеры высшего класса — «Око Суверена». Хотят провести официальный тест на твоё шестнадцатилетие прямо здесь, под часами родовой усыпальницы Демидовых. Их задача — зафиксировать у тебя абсолютный ноль маны на глазах у Коллегии, объявить тебя юридически несостоятельным главой уезда и ввести внешнее управление Министерства финансов. Карамзин потерял свои наемные отряды «Ледяного Оскала» в твоих полярных штольнях, его металлургические заводы на столичной бирже вчера рухнули до нуля благодаря золоту барона Волкова, а челюсть его младшего сына Миши стянута титановой пластиной после твоего финального нокаута в Цитадели. Графу Петру больше нечего терять, Демид. Он приехал уничтожить тебя юридически. Его последний удар будет нанесен во время теста.

Я лениво перебрал пальцами правой руки под суконной перчаткой. Вороненое кольцо-концентратор, созданное Кристиной, тихо и сыто пульсировало, удерживая внутри себя остаточные токи Эфира, которые я успел незаметно впитать из силовой сети Рунной Цитадели Таймыра перед отправкой эшелона. Второе кольцо — серое кольцо сокрытия профессора Радзивилла — послушно удерживало мою внешнюю ауру в состоянии глубокой, безжизненной пустоты.

Но внутри моего существа, в самом центре рукотворной каверны Истинного Горнила, три укрощенных вихря стихий вращались в безупречном, страшном тактическом резонансе. Тяжелая багрово-золотая магия уральской земли даровала моим искусственным меридианам, выжженным внутри костных структур, чудовищную плотность наковальни. Яростное сибир-

ское пламя огня обеспечивало запредельную скорость проводимости нервных окончаний. А новорожденный серебряный вихрь Воздуха и Эфира выступал в роли тончайшего хирургического инструмента управления, способного проецировать импульсы силы вовне без использования кристаллов-посредников. Мой естественный ментальный кокон был монолитен — он был полностью готов переписать законы имперской магии.

— Пусть присылают свои сканеры, дядя Гриша, — тихо, но со свинцовой, леденящей душу мягкостью ответил я Карамзину сквозь зубы. — Урал больше не защищается. Мы переходим в наступление. Коллегия Сената станет их собственным тактическим гробом. Разворачивайте дружину по периметру замка. Кристина, Степан — личный инвентарь когорты доставить в Сектор 4-Б подвального яруса усыпальницы. Алексей, Кузьма — перепроверить затворы карабинов и накопители «Горна». К полуночи замок должен быть превращен в замкнутый тактический плацдарм.

— Слушаюсь, Ваше Сиятельство, — синхронно отозвалась моя когорта. В их голосах не было страха. Там была глубинная, чистокровная преданность союзников, которые прошли со мной сквозь ад Заполярья.

Мы двинулись к замку через старый крепостной мост. Готические шпили фамильного замка Демидовых хищно высились на гранитном утесе, врезаясь в хмурое, набрякшее уральское небо. Замок дышал историей моего рода, но сейчас, проходя по его гулким анфиладам, отделанным суровым лабрадоритом и потемневшим от времени дубом, я кожей ощущал легкий, едва заметный диссонанс.

Внутренний воздушный контур моего Горнила, спаянный «Звездным Эфиром», работал со звериной чуткостью к изменениям барометрического давления и ментального фона сред. Я шел по ковровым дорожкам парадной галереи, и мои шаги отзывались в стенах легким, аномальным эхом. Кто-то ходил здесь в моё отсутствие. Кто-то, чей ментальный след пах грязными якутскими рунными контурами и дешевым столичным эфиром.

Я замер у массивных дверей личного кабинета моего отца. Генерал Шелестов, шедший рядом, удивленно приподнял седую бровь:

— Что такое, Демид?

Я не ответил сразу. Медленно сняв перчатку, я прижал ладонь к массивному латунному замку двери, инкрустированному родовым гербом со змеями. Мой земной эхолот, подпитанный багрово-золотыми токами уральского источника, плавно ушел сквозь древесину и металл внутрь комнаты. Внутренняя структура кристаллической решетки латуни была деформирована. Замок вскрывали физически, с использованием тонких механических отмычек, гасящих звуковые вибрации. И это было сделано профессионально, по лекалам Тайной канцелярии.

В замке завелся «крот». Кто-то из внутренней прислуги или тыловых интендантов уезда сдал столичным ищейкам ключи доступа к архивам Кирилла Димидова еще до прилета Коллегии Сената. Граф Петр Карамзин подготовил свою ловушку изнутри, рассчитывая застать меня врасплох прямо на пороге собственного дома.

Я медленно повернул голову к генералу Шелестову, и в моих карих глазах на долю секунды, пробив все уровни маскировки, глубоко и страшно полыхнул трехцветный фиолетово-серебряный огонь Истинного Горнила. Старый воитель магии металла инстинктивно отпрянул на полшага, его рука дернулась к эфесу парадной сабли, а в глазах застыло дикое суеверное уважение. Он впервые кожей почувствовал реальную, запредельную мощь уральского князя, которую я скрывал под маской «пустоцвета».

— Дядя Гриша, — тихо, сочной свинцовой прохладой произнес я, и мой голос заставил латунные бра на стенах галереи едва заметно завибрировать. — К вечернему разводу мне нужны полные архивные списки всех сменных караулов внутренней гвардии за последние две недели. Каждую фамилию, каждый обход периметра. В замке тени. И к прилету Сенатского цеппелина мы обязаны выжечь эту гниль до самого основания. Когорта, к бою.

Капкан Правительствующего Сената в моем собственном семейном гнезде был взведен, но столичные волки еще не понимали, что уральский лев вернулся в свои угодья не для того, чтобы оправдываться на суде, а для того, чтобы разорвать их министерскую систему на куски её же собственными законами.

Глава 2. Имперский цеппелин

Ночь опустилась на замок Демидовых тяжелым базальтовым надгробием. Вьюга, добравшаяся от полярных предгорий, с заунывным свистом перемалывала колючую ледяную крупу, швыряя её в узкие готические бойницы южной башни. Изнутри стены парадных залов казались высеченными из застывшей магмы; лабрадорит стен отливал зловещим фиолетово-зеленым гляncем в тусклом свете редких стихийных кристаллов.

Я стоял в глубокой тени заброшенного вагонеточного депо, расположенного под третьим ярусом подвальных складов у замка. Моё строгое черное драповое пальто было наброшено на плечи, а пальцы правой руки лениво поглаживали матовую рукоять отцовского серебряного стилета. Моё Истинное Горнило внутри солнечного сплетения работало на частоте абсолютного тактического покоя, но естественный ментальный кокон, спаянный «Звездным Эфиром» Таймыра, заставлял мои нервные окончания вибрировать от звериного предкушения.

— Сектор сорок четыре полностью изолирован, командир, — донесся в моей голове четкий, невидимый ментально-акустический сигнал Кристины Волковой через беспроводной воздушный канал. — Пространственные браслеты-резонаторы на моих запястьях удерживают фрактальный контур ложных частот. Внешние радары комендатуры уезда слепы. Ментальный дым Ильи взведен.

Я едва заметно кивнул в темноту. Из глубокой ниши, где вековая кирпичная кладка девятнадцатого века исходила сыростью и пороховым нагаром, лениво поползла густая серая взвесь. Илья Раевский, бледный и сосредоточенный, непрерывно выдавал струи иллюзорного ментального тумана, полностью отсекавшего любые звуковые и тепловые вибрации. Внутри этого колышающегося заслона физический мир сузился до границ видимости в три шага, превращая подземелье в идеальное уральское угодье.

Степан Лисицын сидел на корточках в тридцати шагах левее, погрузив широкие ладони по локоть в кучу обледелой угольной крошки. Его земной эхолот, подпитанный слабыми багрово-золотыми токами первозданного источника, четко фиксировал структуру подземных пластов и чужие, рваные шаги беглеца. Коренастый казак замер, прикрыв серые глаза, а затем резко вздрогнул и отдернул руки:

— Идет... Ваше Сиятельство, идет по пятому дренажному штреку. Бежит кучно, гася шаги воздушным плетением министерского образца. Это Савельев, младший интендант тылового снабжения уезда. Тот самый, которого Шелестов три года назад из Тобольска выписал по ведомственной квоте.

— Алексей, твой выход, — ровно, сочной свинцовой интонацией распорядился я через воздушный контур. — Магию не зажигать. Только чистая физика. Нам нужен его язык, а не его обугленные кости.

Тобольский казак Алексей Морозов соткался из серого тумана Раевского бесшумным призраком. Его правая рука, укрытая тяжелой кожей рукавицы после таймырского ожога, плотно сжимала приклад укороченного карабина, но сейчас он перехватил оружие как обычную латунную трость. На его лице играл яростный, хищный оскал сибирского самородка.

Хруст обледелой гальки раздался в конце штрека слишком внезапно. Мужчина в форменной серой куртке интенданта Лицея выскочил из темноты, лихорадочно оглядываясь по сторонам. В его руках тускло поблескивал латунный корпус портативного пеленгатора, а на пальце горело грязное фиолетовое кольцо связи Якутского разлома. Он не успел даже вскинуть руку для воздушного удара — Морозов сделал стремительный, невесомый шаг вперед, сокра-

щая дистанцию до минимума, и с размаху обрушил тяжелую рукоять карабина точно в область солнечного сплетения предателя.

Мужчина глухо, со стоном захлебнулся воздухом, его защитный воздушный кокон мгновенно лопнул, не выдержав чистой кинетической энергии физического удара перестроенного тела казака. Он мешком повалился на обледенелый паркет, выронив прибор. Прежде чем он успел издать хоть звук, Степан Лисицын жестко зафиксировал его затылок голым коленом, впечатывая лицо «крота» в угольную пыль.

Я медленно подошел к расprostертому интенданту, заложив руки за спину. Моё лицо под глубоким козырьком кепки оставалось маской ледяного высокомерия правителя Урала. Вороненое кольцо Кристины на моей правой руке тускло, леденяще запульсировало, ловя частоту страха беглеца.

— Ну что, столичная тварь... — леденящим шепотом произнес я, наклоняясь к самому лицу Савельева, и в моих карих глазах совершенно открыто, без всяких покровов, яростно и глубоко зажегся трехцветный фиолетово-серебряный огонь Истинного Горнила. — Думал, что уральские подземелья — это министерские коридоры Санкт-Петербурга? Рассказывай, с какими кодами Карамзин заходит в замок. Живым ты отсюда все равно не выйдешь, но у тебя есть шанс умереть быстро, без выжигания твоих меридианов.

Интендант судорожно задергался, его глаза дико округлились от суеверного ужаса при виде фиолетово-серебряных зрачков молодого «пустоцвета». Его зубы выбивали дикую дробь, а с посиневших губ капала слюна, смешанная с грязью:

— Княжич... Демид Кириллович... Пощадите!.. Граф Петр... он заставил меня! Мою семью в Тобольске под залог поставили!.. Они везут не просто сканеры «Око Суверена»... У них в трюме цеппелина запечатан стационарный обсидиановый накопитель Министерства юстиции. Граф задействует тайное боевое плетение высшего круга — «Право регента».

Я не разжал пальцев на рукояти стилета, но внутренний воздушный контур моего Горнила тревожно зазвенел, ловя частоту новой угрозы. «Право регента». Запрещенная юридическая лазейка Свода Законов Империи, созданная ещё во времена реформ прошлого века для подавления автономий уездных родов. Если Имперская коллегия зафиксирует у меня официальный ноль маны во время теста, это плетение автоматически, на беспроводном ментальном уровне перехватит контроль над всеми рунными узлами замка и плавильными цехами уезда, переводя их под прямое управление регентского совета Карамзиных. Мой суверенитет будет уничтожен юридически и физически одной директивой Сената.

— Кто ещё в замке сдал архивы моего отца? — тихо, сочной свинцовой интонацией спросил я, и багрово-золотые токи уральской земли внутри моих искусственных каналов сыто завибрировали, транслируя запредельное давление на психику пленного.

— Никто... Клянусь кровью!.. Только я... Я сдал чертежи соединительных контуров усыпальницы... Они знают, куда подключать «Око Суверена»... Цеппелин... он уже садится... — мужчина обмяк, теряя сознание от дикого ментального перенапряжения и страха перед моей силой.

Я медленно выпрямился, вытирая лезвие стилета шелковым платком. Мой взгляд оставался холодным и непоколебимым. Ошибка расчета на Таймыре навсегда выжгла из моего сердца юношескую наивность. Столичные волки решили зайти с самого верха шахматной доски, используя законы Империи как идеальный кумулятивный резак. Что ж, цена слабости была оплачена. Мы встретим их так, чтобы полярный гранит навсегда запомнил димидовский ответ.

— Степан, тело Савельева убрать в дренажный колодец сорок второго сектора, — ровно скомандовал я, возвращая руки в карманы черного пальто. — Ни один дружинник не должен знать о ночном допросе до полудня. Кристина, сворачивай ментальный лабиринт. Кузьма,

Алексей — поднимаемся на смотровую вышку южного бастиона. Имперский цеппелин заходит на посадку.

Рассвет над Уралом занимался тяжелым, ржаво-багровым заревом. Из клубов морозного пара, величественно раздвигая хмурые свинцовые облака, к посадочной рампе замка начал медленно опускаться колоссальный курьерский дирижабль Правительствующего Сената. Его титановый киль, покрытый инеем и сложнейшей вязью левитационных рун магии металла, мерцал глубоким фиолетовым светом. Огромная гондола воздушного корабля, защищенная тяжелыми броневыми листами с министерскими клеймами, глухо вибрировала; лопасти стабилизаторов с утробным рокотом перемалывали морозный воздух уезда.

Я стоял на стене башни, скрестив руки на груди. Моя серая походная шинель рвалась под порывами шквального ветра, но фигура оставалась неподвижной, словно уральский хребет. Рядом со мной Кристина Волкова зафиксировала на мне глубокий, фанатичный взгляд Главного Архитектора, а Алексей Морозов левой рукой крепче перехватил ремень карабина, ухмыляясь в усы.

Министерский клан Карамзиных прилетел судить «пустоцвета» на его собственных землях. Они везли свои калиброванные сканеры и запрещенное «Право регента», будучи уверенными, что зажали уральского ягненка в ледяную могилу. Они не понимали, что Когорта обреченных за эти две недели на Крайнем Севере превратилась в единый, сыгранный и смертоносный монолит Истинного Горнила. Великий тактический триумвират был полностью взведен, и Российская Империя замерла в предвкушении финала, который должен был навсегда переписать историю великого рода Димидовых.

— Время скрытности вышло, господа, — тихо произнес я в пустую темноту, поправляя воротник мундира серого вольнослушателя. — Наш Уральский триумф начинается прямо сейчас.

Глава 3. День Шестнадцатилетия

Приветственный обед в Большом тронном зале замка Демидовых больше походил на развёртывание штурмовых батальонов перед затяжным приграничным сражением. Циклопическое пространство, выложенное массивными плитами сурового приполярного лабрадорита, дышало монументальным величием уральских владык. Высокие готические своды, подпёртые стальными швеллерами и чугунными арками девятнадцатого столетия, уходили в невидимый потолок, а из узких бойничных окон веяло леденящим дыханием тундры. Вдоль стен, застыв неподвижными изваяниями в тяжёлых бронекирасах, стояли гвардейцы генерала Шелестова, держа скорострельные карабины у груди. Их жёсткая аура магов металла первого ранга плотным свинцовым весом давила на плечи столичных гостей.

Я сидел во главе длинного дубового стола, инкрустированного малахитовой вязью и родовыми змеями. Моё строгое чёрное драповое пальто было распахнуто, обнажая серый мундир вольнослушателя. Серебряный Георгиевский крест на левом лацкане тускло, но весомо отражал багровые сполохи артефактного пламени, бушевавшего в циклопическом камине. Моё Истинное Горнило внутри солнечного сплетения лениво делало оборот за оборотом в режиме глубокой консервации под защитой кольца сокрытия профессора Радзивилла, но естественный ментальный кокон, спаянный «Звездным Эфиром» Таймыра, удерживал вокруг моего сознания непробиваемую зеркальную стену.

Прямо напротив меня, по правую руку от судейского места, восседал граф Петр Карамзин. Наследник министерского клана выглядел бледным; его холёное лицо, стянутое сухой маской чиновничьего высокомерия, казалось высеченным из дешёвого зауральского известняка. Его левая рука, скрытая тяжёлым артефактным протезом из заколдованного титана, неподвижно покоилась на сукне скатерти, а карие глаза, налившиеся затаённой животной ненавистью, непрерывно буравили мою фигуру. Граф прекрасно знал, что его элитный загон ликви-

даторов Сухаревки заживо похоронен под тоннами гранита в моих полярных штольнях, но присутствие Имперской коллегии Сената возвращало ему столичный апломб.

Но всё моё тактическое внимание в этот миг было приковано к девушке, сидевшей чуть наискось от графа.

Ксения Радзивилл. Дочь нашего лицейского профессора, тайно вывезенная Карамзиным из Санкт-Петербурга под видом специального эксперта-регистратора Министерства юстиции. Ей было едва ли больше восемнадцати, но в её осанке сквозила холодная, хищная порода элитных менталистов Двора. Строгое платье из тяжёлого пурпурного шёлка, расшитое золотыми нитями Канцелярии, безупречно облегло её хрупкую, атлетичную фигуру. Её лицо, правильное, с тонкими, аристократическими чертами и бледной, фарфоровой кожей, казалось маской равнодушия, но глаза — абсолютно чёрные, без зрачков и белков, полностью заполненные темным, пульсирующим эфиром магии разума высшего круга — мазали по залу с хирургической пронизательностью ищейки.

Я почувствовал её поисковую волну мгновенно. Это не были топорные «Иглы Истины» статского советника Шаховского — Ксения действовала тоньше, ювелирнее, используя беспроводные завихрения воздушных масс, согретых камином. Её ментальное присутствие просочилось сквозь латунные приборы и хрустальные бокалы, точечными, невесомыми импульсами пытаюсь нащупать края моей ауры, пробить кору головного мозга и вывернуть наизнанку структуру моей памяти. Она искала скрытые ядра, следы запретной уральской культивации и чертежи накопителей «Горн-1».

Но мой ментальный кокон встретил этот штурм с хладнокровием уральского хребта. Направленный удар Ксении с глухим, невидимым всплеском разбился об этот монолитный гранитный пласт магии земли и серебряного тумана. Она наткнулась на идеальное, зеркальное отражение собственных амбиций и абсолютную, естественную пустоту «пустоцвета». Ни один мускул на моем лице не дрогнул; я спокойно поднёс к губам бокал с ледяной родниковой водой, сделав глоток, и прямо встретил её пугающий чёрный взор.

На долю секунды между нами соткался едва заметный, физически ощутимый пространственный диссонанс. Воздух над столом натянулся струной, заставив хрустальные подвески люстр тихо, высокочастотно зазвенеть. Ксения Радзивилл резко, со свистом выдохнула сквозь сжатые зубы, и на её бледном лбу выступила едва заметная капля пота. Чёрный эфир в её глазах на мгновение дрогнул, растаяв до обычных, глубоких фиалковых зрачков, в которых теперь читалось дикое, суеверное удивление и невольное, чистокровное признание силы. Ментальный штурм уральской стены оказался слишком тяжёлым для столичной фаворитки. Она поняла, что перед ней стоит не беззащитный калека, а запредельная загадка, способная ломать чужую волю на её собственном поле.

— Твоя уединённая жизнь на Урале, князь Демид, — нарушил тишину сухой, рокошующий бас графа Петра Карамзина, сопровождаемый глухим скрежетом шестерёнок его титанового протеза, — судя по всему, сделала тебя излишне гордым. Ты игнорируешь столичный этикет. Но Имперская коллегия прибыла сюда не для того, чтобы оценивать качество твоего тобольского гостеприимства. Менее чем через два часа башенные часы замка пробьют полдень. Твой шестнадцатый год вступит в свои права, и калиброванные министерские сканеры «Око Суверена» зафиксируют твой истинный ранг маны перед лицом Правительствующего Сената.

Граф наклонился вперёд, опершись здоровой рукой о дубовую столешницу, и его голос налился ядовитой, торжествующей прохладой чиновника:

— И если приборы выдадут идеальный ноль, как написано во всех ведомственных отчётах Санкт-Петербурга, декрет о «Праве регента» автоматически переведет все плавильные заводы Нижнего Тагила и чертежи твоего покойного отца под полную юрисдикцию Министерства финансов. У уральского «пустоцвета» нет прав на суверенитет. Закон суров, Димидов.

Я медленно опустил бокал на скатерть. Из-за моей спины, из глубокой тени малахитовой колонны, бесшумным призраком выступила Кристина Волкова. Мой Главный Архитектор была без своих привычных инженерных очков; её строгое суконное платье инженера-артефактора уступило место вечернему платью из плотного серого шелка, которое Кристина носила с непривычным, хищным изяществом. Её зеленые глаза горели холодным, фанатичным блеском исследователя. Она педантично зафиксировала на Ксении Радзивилл долгий, пронзительный взгляд преданного союзника, в котором сквозила чистокровная ревность мастера, чей тактический инструмент попытались потрогать чужими руками. Серебряные браслеты-резонаторы на узких запястьях Кристины тихо, едва слышно зазвенели на частоте ломающейся стали, удерживая фрактальную линзу изоляции вокруг нашего угла стола.

— Твои министерские рапорты, Карамзин, сегодня утром годятся лишь на то, чтобы разжигать печи в моих литейных цехах, — тихо, сочной свинцовой интонацией произнёс я, и мой голос заполнил пространство зала удушающей тяжестью гранита, заставив графа инстинктивно откинуться на спинку кресла. — Ты приехал в моё фамильное гнездо с запрещённым обсидиановым подавителем в трюме цеппелина и декретом, который ты выпросил в Сенате под залог собственных обанкротившихся мануфактур. Твой правый фланг на бирже полностью растоптан золотом барона Волкова, а чертежи «Горна-1» уже сегодня переоборудуют все экспрессы Транссиба в обход твоих латунных накопителей. Занимайся своими сканерами. И молись, чтобы уральская земля позволила твоему цеппелину улететь обратно в Санкт-Петербург до того, как у тебя закончатся рунные разрешения Министерства юстиции.

В каминном зале воцарилась гробовая, звенящая тишина. Долгорукие и министерские эксперты, сопровождавшие комиссию, замерли с приборами в руках, боясь сделать глубокий вдох. Столичная знать была полностью разгромлена морально на глазах у собственной ищейки. Шестнадцатилетний юноша, официально признанный калеккой, открыто, жёстко и с позиции абсолютной суверенной силы осадил лидера министерского клана, и Ксения Радзивилл даже не попыталась вмешаться. Её фиалковые глаза, прикованные к моей руке, на которой вороненое кольцо Кристины сыто и тихо вибрировало, пульсировали от странного, непреодолимого ментального притяжения. Она увидела во мне титана, и этот первый надлом в её столичной гордости закладывал идеальный фундамент для нашей будущей, беспощадной тактической игры.

— Обед окончен, господа, — отрезал я, неторопливо поднимаясь из-за стола и набрасывая строгое чёрное пальто на плечи. — Генерал Шелестов, ведите Коллегию в подвальный ярус родовой усыпальницы. Часы Цитадели не будут ждать, пока Сенат закончит свои слесарные вычисления. Когорта, к бою.

Я четко развернулся через левое плечо и первым сделал шаг к выходу из зала. Кристина Волкова, Алексей Морозов и Кузьма Попов последовали за мной, гордо расправив плечи под серым сукном шинелей. Новая фаза уральской вендетты была официально запущена. Мы спустились в глубокие гранитные лабиринты усыпальницы, где под часами Истинного Горнила должна была решиться судьба великого уезда.

Глава 4. Ловушка Свода Законов

Свинцовый полумрак подвального яруса родовой усыпальницы Димидовых дышал циклопическим холодом ушедших эпох. Это подземное святилище, высеченное целиком в монолитном пласте приполярного лабрадорита, не знало столичной суеты. Стены, отполированные до зеркального блеска, отливали зловещим фиолетово-зеленым гляncем, отражая блеклые лучи калиброванных неоновых ламп, которые лакеи Коллегии наспех расставили по периметру зала.

В самом центре усыпальницы, над массивными гранитными саркофагами моих предков, высился главный калибровочный постамент — монументальный чугунный механизм девятнадцатого столетия. Над ним, вмонтированные прямо в скалу, со стоном и скрежетом перемалы-

вали остаточные токи уральского эфира вековые шестерни родовых часов Цитадели. Тяжёлые латунные маятники лениво отсчитывали последние минуты до полярного полудня.

Министерские эксперты Сената лихорадочно разворачивали матчасть. На постаменте уже были жестко зафиксированы два циклопических сканера «Око Суверена» — матовые вольфрамовые сферы, утыканные изумрудными кристаллами структуры и латунными гироскопами. Приборы тихо, высокочастотно звенели, выплескивая в сырой воздух зала поисковые иглы калибровочного эфира.

Граф Петр Карамзин стоял чуть поодаль, опершись здоровой рукой на чугунный поручень эстакады. Его бледное лицо, стянутое сухой маской триумфа, зловеще поблескивало в багровых отсветах индикаторов. Рядом с ним Ксения Радзивилл, скрестив руки на груди, педантично фиксировала на мне долгий, пронзительный взгляд своих глубоких фиалковых глаз. Её чёрный ментальный эфир был временно погашен, но в осанке столичной фаворитки по-прежнему читалось звенящее напряжение после нашей стычки в Большом зале.

Моя Когорта застыла плотным, лаконичным строем у левого прижима скалы. Кристина Волкова, Алексей Морозов и Кузьма Попов не спускали глаз с латунных панелей экспертов. Их серые шинели казались монолитными изваяниями на фоне темного гранита, а серебряные Георгиевские кресты на груди тускло отражали свет приборов.

— До полудня осталось ровно тридцать секунд, князь Демид, — сухой, лишенный человеческих интонаций голос председателя Коллегии разорвал звенящую тишину подземелья. — Прошу вас подняться на калибровочный круг и положить ладони на латунные сердечники сканеров. Приборы Министерства юстиции зафиксируют ваш истинный ранг маны.

Я неторопливо снял суконные перчатки, аккуратно сложив их в карман черного драпового пальто. Моё Истинное Горнило внутри солнечного сплетения сыто и мерно совершало свои обороты, удерживая тройной контур сил в состоянии идеальной, мертвой консервации под защитой кольца Радзивилла. Естественный ментальный кокон надежно закрывал кору головного мозга, но моё тело, перестроенное адской болью полярной переплавкой, уже работало на частоте абсолютной тактической готовности. Я сделал три легких, призрачных шага вперёд и ступил на обледенелый чугунный круг постамента.

Мои ладони легли на холодные металлические пластины «Ока Суверена».

В ту же секунду латунные гироскопы внутри сфер бешено, ультразвуком зажужжали. Изумрудные кристаллы налились плотным, колыхающимся зеленым свечением, высасывая из моих меридианов остаточный бытовой фон. Рунные перья автоматики на судейском мостике судорожно задергались, выписывая на архивных свитках идеально ровную, безжизненную серую линию. Нулевой фон. Абсолютная, естественная пустота «пустоцвета».

— Как мы и предсказывали, — ядовитый, торжествующий смех графа Петра Карамзина громовым колоколом раскатился под гранитными сводами усыпальницы, заставив Кузьму Попова испуганно вздрогнуть. — Полный ноль! Ни единой искры официально зарегистрированной маны! Коллегия, фиксируйте результат! Уральский удел Димидовых лишается суверенитета по праву магической несостоятельности его главы!

Граф резко крутанулся через левое плечо, и его титановый протез со страшным скрежетом шестерёнок взметнулся вверх. В его железных пальцах пульсировал колоссальный, матовый обсидиановый цилиндр Министерства финансов — тот самый запрещенный подавитель, о котором Савельев бредил перед смертью в угольных погребках.

— Но Сенат не будет ждать ваших слесарных апелляций, Димидов! — взревел Карамзин, и его пальцы с силой вли ману земли первого ранга в пусковую руну цилиндра. — По праву Свода Законов Империи и на основании кодов доступа, переданных мне вашим верным интендантом Савельевым, я активирую чрезвычайное боевое плетение высшего круга — «Право регента»! Замок переходит под мой тотальный контроль прямо сейчас!

И подземелье Таймырского триумфа содрогнулось от страшного, противоестественного удара.

Никакой яркой вспышки не произошло. Обсидиановый цилиндр Карамзина выдал кратковременный, но невероятно мощный импульс анти-эфирной и анти-структурной волны, которая была направлена напрямую в соединительные контуры усыпальницы по выкраденным чертежам отца. «Право регента» лавиной рванулось сквозь чугунные швеллеры пола, пытаясь перехватить беспроводное управление рунными дотами и литейными цехами Нижнего Тагила.

Но столичный министр совершил фатальную, сокрушительную ошибку тактического расчета. Его приборы были откалиброваны под классическую магию Лицея, а коды Савельева вели к старым, давно перестроенным Кристиной узлам проводимости.

Анти-структурный удар Карамзина, ворвавшись в кристаллическую решетку чугунного постамента, вместо подавления сработал как грубый, яростный детонатор для моего Истинного Горнила. Мой новорожденный воздушный контур Воздуха и Эфира, спянный «Звездным Эфиром» Сухаревки, под воздействием этого внешнего насилия сорвался с цепи консервации. Серебряное кольцо Радзивилла на моем пальце с сухим, звонким хрустом лопнуло пополам, разлетевшись мелкими брызгами.

Тройной фиолетово-серебряный и багрово-золотой огонь первозданной силы с новой, безумной мощью вспыхнул в глубине моих карих глаз, пробивая все уровни маскировки.

— Гх-а-а-а-ах! — дикий, сорвавшийся на рык выдох вырвался из моей груди, но это была не мука слабости, а ярость титана, у которого сорвали замки.

Моё Истинное Горнило выдало максимальный, сокрушительный импульс магии земли и огня напрямую через мои ладони в вольфрамовые сферы сканеров. Багрово-золотые токи уральского источника, тяжелые и плотные, как расплавленный гранит, лавиной хлынули в кристаллы «Ока Суверена».

В ту же секунду обе министерские сферы с оглушительным, сокрушительным звоном разлетелись на миллионы осколков, не выдержав запредельного давления уральской маны четвертого тактического уровня. Калиброванные латунные шестеренки приборов превратились в жидкую канифоль, которая с шипением брызнула на обледенелый паркет.

Но на этом резонанс не остановился. Мой концентрированный импульс ушел выше, прямо по чугунным тягам в вековые механизмы часов усыпальницы.

БА-А-А-А-А-А-МММ!!! — этот звук не был обычным взрывом. Это вековой чугунный маятник Цитадели, приняв в себя колоссальный объем тектонической маны земли, зазвенел с частотой ломающегося стекла.

Многотонные стальные заклепки начали вылетать из потолочных балок со скоростью пулеметных снарядов, с сухим щелканьем прошивая гранитную плитку стен. Циклопический лабрадоритовый свод усыпальницы вместе с часовым механизмом весом в сто пудов со страшным, стонущим скрежетом содрогнулся. По стенам зала поползли глубокие ломаные трещины шириной в палец, и первые массивные куски обледенелого камня с грохотом обрушились на гранитные саркофаги предков, заполняя пространство удушливой тучей гранитной пыли.

— Ах ты тварь!.. Он не пустоцвет!.. У него высший круг структуры!.. Нападение! — панический, сорвавшийся на фальцет крик графа Петра Карамзина разнесся под кирпичными сводами, отражаясь эхом. Графа отбросило обратной кинетической волной постамента на эстакаду, его обсидиановый цилиндр со свистом вылетел из титановых пальцев, расколовшись о булыжники.

Из серой пылевой тучи, преграждая нам выходы к лестницам, стремительно выкатились шестеро мужчин в глухих черных комбинезонах Двора — элитные палачи министерской Коллегии, ведомые мастерами магии льда и структуры высшего ранга. В их руках хищно застыли укороченные артефактные обрезы, а вокруг фигур синхронно запульсировали плотные, грязно-бурые ледяные щиты первого боевого круга.

— Огонь! Уничтожить уральских крыс! Списать всё на обрушение сводов! — орал раненый командир палачей, вскидывая оружие.

Я лежал на одном колене посреди разрушенного постамента, моё полотняное худе на груди стремительно пропитывалось темными каплями крови из носа — искусственные меридианы в костях стонали от запредельного овердрайва, но взгляд оставался леденящим и чистым. Плата за скорость была принята. Наш полярный капкан в усыпальнице Димидовых сработал, и подземелье готовилось умыться кровью тех, кто посчитал уральского князя легкой добычей.

— Когорта, к бою! — рывкнул я, и мой голос, подержанный новой серебряной вибрацией Эфира, заставил гранитные плиты пола ходить ходуном. — Алексей, прогревай карабин! Степан, держи каркас вагона... держи каркас зала! Кузьма, «Горн» на четверть мощности в центральную опору! Ни одна столичная мразь не должна покинуть это подземелье живой!

Глава 5. Кровь на граните

Пылевая туча от рухнувшего стопудового часового механизма Цитадели забивала легкие сладковатым, липким привкусом перетертого лабрадорита и канифоли. Подвальный ярус родовой усыпальницы превратился в адское, колыхающееся месиво, где багровые отсветы аварийных ламп едва пробивали серую взвесь. Потолок стонал. Вековые чугунные балки девятнадцатого столетия деформировались под колоссальным тектоническим давлением уральского источника, и новые трещины змеями расползались по зеркальным стенам зала.

— Алексей, Степан — держать рубеж! Коридор эвакуации за правым прижимом скалы! — хрипло выдохнул я, чувствуя, как по подбородку ползет густая, темная струйка крови.

Моё Истинное Горнило внутри солнечного сплетения бешено вибрировало на частоте ломающегося стекла. Взрыв министерских сканеров сорвал титановые ограничители моих колец, и багрово-золотые токи земли теперь лавиной рвались по искусственным меридианам, выжженным внутри костных структур. Нервные окончания горели от запредельной проводимости, но взгляд из-под козырька фуражки оставался маской ледяного расчета правителя.

Коренастый казак Степан Лисицын среагировал первым. Отбросив бесполезный в тесноте походный мешок, он прыгнул вперед, раскинув мощные руки. Его слабая, бытовая магия земли, перестроенная под моим руководством, выдала ровную, непрерывную струю серого тектонического фона. Степан буквально врос сапогами в стальные швеллеры пола, выставив перед нашей группой плотный, геометрически выверенный щит из поднятых гранитных плит.

— Сделаем в лучшем виде, Ваше Сиятельство! — пробасил он, и его серые очи сузились до предела от напряжения. — Держу каркас зала!

Тобольский казак Алексей Морозов выскочил правее, перехватив модернизированный карабин левой рукой. Из его закаленного на сибирских заставах ядра вырвалось яростное, темно-красное пламя второго ранга. Концентрированный огненный поток Морозова, прошивая серую пыль, вонзился точно в грязно-бурый ледяной кокон передового палача Сената. Защитный барьер министерского наемника испуганно мигнул и мгновенно испарился, не выдержав запредельной температуры. Наемник со стоном отлетел назад, впечатываясь в разрушенный постамент.

Но столичные палачи Карамзина были профессиональными ликвидаторами ведомств, прошедшими через якутские и сибирские разломы. Они воевали не по лицейским учебникам стратегии.

В самый критический момент, когда Кузьма Попов судорожно пытался направить волну «Горна» в основание центральной чугунной опоры, циклопический лабрадоритовый блок потолка шириной в три обхвата человеческого тела с оглушительным, сокрушительным треском оторвался от анкерных болтов. Глыба весом без малого в тридцать пудов рухнула прямо на левый фланг нашей обороны.

— Степан!.. Уходи!.. — заорал Кузьма, теряя концентрацию.

Лисицын успел вскинуть руки, пытаясь перенаправить кинетическую энергию камня через свой земной дар, но вес рухнувшей скалы был абсолютным. Массивный обломок гранита с ужасающим хрустом обрушился прямо на его левое бедро, намертво припечатывая коренастого казака к обледенелому бетону плаца. Щит земли лопнул, разлетевшись мириадами безвредных искр.

— Гх-а-а-а-ах! — дикий, полный нечеловеческой муки крик сорвался с губ Степана. Его лицо мгновенно покрылось мертвенной бледностью, а пальцы судорожно заскребли стальную обшивку пола, сдирая ногти до крови. Он был зажат. Над его головой уже нависал следующий, готовый сорваться многотонный сектор потолка.

Эта сцена на долю секунды выбила меня из тактического баланса. Ошибка расчета. Высокомерие правителя Урала, поверившего после Таймырского триумфа в собственную непогрешимость, обернулось кровавым рикошетом по моей гвардии. Я заставил их ковать это оружие, я привел их в это подземелье под министерские приборы, и теперь плоть моего соратника ломалась под весом моей родовой усыпальницы.

Жгучая, кристально чистая ярость и острое чувство вины затопили мой разум, ломая выстроенную зеркальную защиту ментального кокона.

— Назад! Я вытащу его! — властно рявкнул я, теряя ледяную сдержанность.

Я активировал воздушный контур своего Горнила на микроскопическом уровне, вливая серебряный Эфир Воздуха напрямую через свои искусственные каналы вовне. Мои движения утратили человеческий вес. Невесомым серым силуэтом я сорвался с места, пролетая сквозь серую взвесь пыли, и соткался прямо возле распластанного Степана. Мои ладони, окутанные багрово-золотым маревом уральского источника, мертвой хваткой вцепились в острые края обрушившейся гранитной глыбы.

Мышцы и выжженные в костях меридианы натянулись до предела, причиняя дикую, выжигающую боль. Ломая сопротивление материала, я попытался рвануть тридцатипудовый камень на себя, используя чистую физическую плотность перестроенного тела и воздушную левитацию Эфира. Глыба со стоном поддалась, приподнимаясь на несколько сантиметров, но этого мгновения слабости и открытой фиксации на одной точке столичный командир палачей не упустил.

Мужчина в маске-респираторе с рунными фильтрами вынырнул из тумана справа. Его грязная фиолетовая аура магии льда высшего круга мгновенно сконцентрировалась в руках, формируя длинную, хирургически острую ледяную пику, покрытую рунами Енисейского разлома.

— Вот ты и попался, уральский выскочка! Умри! — взревел он, нанося удар на упреждение.

Я видел траекторию его выпада сквозь свой воздушный контур, но руки были заняты гранитом, удерживающим Степана. Выпустить камень означало раздавить Лисицына окончательно. Я принял этот удар на себя, лишь слегка сместив корпус влево, чтобы уйти от прямого поражения сердца.

ТЯЖЕЛЫЙ ХРУСТ. ЗВОН.

Защитный рунный кокон, который я пытался соткать из остатков Эфира вокруг своего тела, мгновенно разлетелся на куски под градом сжатого министерского льда. Острая ледяная пика наемника с колоссальной кинетической энергией прошла сукно моего серого мундира в районе правого плеча, глубоко, до самой кости вонзаясь в плоть и разрывая мышечные волокна. Космический холод «Черного Инея», транслируемый оружием ликвидатора, мгновенно заблокировал мои правые нервные окончания, превращая кровь в ледяное рубиновое крошево.

— Гх-а-ах!.. — глухой, прерывистый стон вырвался из моего горла. Перед глазами плыли тяжелые черные круги, а силы на мгновение покинули мышцы. Я впервые за всю свою новую жизнь почувствовал вкус чистого, физического поражения на собственном поле боя. Мое все-силие разбилось о суровый боевой опыт профессионального ветерана.

— Демид!!! — истощный, панический крик Кристины Волковой разорвал тишину зала. Она выкинула руки вперед, и её серебряные браслеты-резонаторы на запястьях зазвенели с частотой ломающейся стали. Пространственная линза Архитектора, выстроенная её разумом, соткалась в воздухе перед лицом командира палачей, искажая геометрию пространства и уводя линию его повторного удара в сторону. Ледяная пика наемника с мясом вырвала кусок чугуновой станины позади меня, промахнувшись на волосок.

Тобольский казак Алексей Морозов с диким, первобытным ревом выскочил из тумана, закрывая нас своим телом. Его карабин выдал направленный кумулятивный снаряд термодинамического пламени, который заставил командира палачей в панике отступить назад, гася жар своим ледяным щитом.

— Кузьма, Степана под мышки! Уводим его в штрек! Быстро! — орал Алексей, его лицо было испачкано мазутом и копотью. — Я прикрою! Нас сейчас тут погребет!

Кузьма Попов, трясаясь от адреналина и со слезами на губах, подбежал к заваленному Степану. Используя остаточный триумфальный импульс «Горна», он выдал короткую ультразвуковую волну, которая заставила гранитную глыбу на секунду потерять вес и треснуть пополам. Парень мертвой хваткой вцепился в подмышки Лисицына, вытягивая его обмякшее тело из-под обломков. Левая нога Степана висела плетью, сукно шинели было густо пропитано зловещим, замерзающим на лету багровым пятном.

Я поднялся на ноги, баюкая онемевшую, истекающую рубиновыми каплями правую руку. Моё Истинное Горнило внутри солнечного сплетения шло в глубокий, разрушительный разнос; энергия, лишившись направляющего вектора из-за повреждения меридианов плеча, багрово-золотой лавиной огня рвалась обратно по костным структурам, причиняя дикую, выжигающую боль. Раны кровоточили. Цена высокомерия была оплачена моей собственной кровью.

— Отступаем... — сквозь зубы, леденящим, сорвавшимся на шепот голосом произнес я. — В дренажный штрек сорок четвертого сектора. Кристина, закрывай контур.

Девушка действовала мгновенно. Она подхватила меня под левую руку, её зеленые глаза были полны глубокого, фанатичного отчаяния и преданности человека, который видит своего титана раненым. Используя остаточные пространственные фракталы, Кристина начала кропотливо выстраивать за нашей шеренгой ментальный лабиринт ложных отражений, размывая контуры наших реальных частот в глазах автоматики ищек Карамзина.

Мы буквально ввалились в узкий, темный проем дренажного туннеля, уходящего глубоко в гранитные пласты под усыпальницей. Тяжелая чугунная заслонка штрека со стоном и скрежетом закрылась за нашими спинами, отсекая торжествующий рокот министерских наемников и грохот продолжающегося обвала родовой Цитадели.

Первый раунд уральской вендетты в моем собственном семейном гнезде был сокрушительно проигран. Моя тщательно выстроенная тактическая схема рухнула за несколько минут из-за моей собственной гордыни, и теперь Когорта обреченных, истекая кровью и зализывая раны впотьмах заброшенных штреков, должна была перегруппироваться перед новой, беспощадной фазой полярной войны на уничтожение.

Глава 6. Вина правителя

Сырой, могильный полумрак заброшенного слесарного капонира отца пах креозотом, окалиной старых латунных накопителей и тем самым удушливым, сладковатым привкусом запекшейся крови, который теперь преследовал нашу Когорту. Это подземное пространство, зажатое между сорок четвертым дренажным штреком и тыловыми колодцами снабжения, давно не знало человеческого тепла. Стальные листы внутренней обшивки каземата от вре-

мени потемнели и покрылись колючими кристаллами инея. Единственным источником света служил портативный инженерный фонарь Кристины, бросавший длинные, тревожные тени на массивные титановые верстаки и ржавые сундуки с царскими клеймами.

Степан Лисицын лежал на обледелом деревянном топчане в углу каверны. Коренастый казак дышал прерывисто, с глухим, свистящим хрипом; его лицо утратило всякие краски, став блее полярного наста. Левое бедро парня, раздробленное тридцатипудовым лабрадоритовым блоком, было наспех перевязано обрывками суконного ремня Морозова, но вокруг раны стремительно расплзлось зловещее, грязно-бурое пятно замерзающей на лету жидкости. Его пальцы конвульсивно скребли край брезентового мешка, а зубовный перестук напоминал работу неисправного реле.

Кузьма Попов со слезами на глазах ползал вокруг раненого друга, судорожно пытаясь согреть ладони дыханием. Его вольфрамовый «Горн» валялся рядом в угольной пыли — безвредный, беззвучный и бесполезный после краха защитной структуры усыпальницы. Алексей Морозов застыл у запертой чугунной заслонки штрека, левой рукой передергивая затвор карабина и хмуро вглядываясь в темноту туннеля. Его обожженное на Таймыре предплечье снова поднывало, но взгляд оставался суровым и злым.

Я сидел на низком латунном ящике из-под снарядов прямо перед верстаком, откинувшись спиной на гранитную стену капонира. Моё строгое черное драповое пальто было сброшено на пол. Ткань серой полотняной рубахи в районе правого плеча превратилась в обугленные, пропитанные рубиновыми каплями тряпки. Из глубокой, рваной раны, где ледяная пика палача Сената прошла мышечные волокна до самой кости, непрерывно сочился блекло-зеленый туман. Это был «Черный Иней» Енисейского разлома. Космический холод боевого яда стремительно расплзался по моим искусственным меридианам, выжженным внутри костных структур, превращая нервные окончания в хрупкое ледяное крошево.

Внутри моего разума в эту секунду рушились последние иллюзии о собственном всемогуществе. Таймырский триумф и легкий финансовый разгром Карамзиных на столичной бирже вскружили мне голову, заставив поверить, что я могу диктовать условия всей Империи на одном лишь юношеском упрямстве и тройном контуре Истинного Горнила. Реальность оказалась жестокой: профессиональные ликвидаторы Сената не знали жалости и не верили в юридические параграфы. Моя тактическая ошибка, моё высокомерие и гордость правителя Урала едва не стоили жизни всей моей гвардии. Степан зажат камнями, моё плечо парализовано, а тылы уезда отрезаны министерским заслоном.

«Ты — Димидов... Последний из нашего рода в этом мире... Не преклоняй колен ни перед кем...» — как раскаленное клеймо, вспыхнули в сознании строки отцовского письма.

— Я... совершил ошибку расчета, — хрипло, со стоном выдохнул я в пустую темноту, и мой голос, лишенный прежней свинцовой прохлады, прозвучал глухо и надломленно. — Я проявил гордыню, решив, что моя новая сила способна сокрушить Коллегию в лобовом тесте. Я забыл, что наемники столицы воюют на уничтожение. Плоть Степана сломана по моей вине. Ваша кровь — на моих руках.

— Замолчи, Демид, — сухой, сочной инженерной интонацией оборвала меня Кристина Волкова.

Девушка опустилась на колени прямо передо мной на холодный каменный пол. Её зеленые глаза за стеклами защитных очков, обычно светившиеся фанатичным азартом исследователя, сейчас пульсировали от глубокого, чистокровного отчаяния и преданности. Её узкие руки заметно дрожали, когда она извлекала из походной сумки тонкий латунный шуп с изумрудным кристаллом структуры на конце. Она скинула вечерний серый шелк, оставшись в простом полотняном фартуке инженера-артефактора, испачканном в копоти и мазуте подземелья.

— Не смей говорить о вине, когда твоё Горнило идет вразнос, — прошептала она, и её голос на секунду сорвался на дрожь пережитого страха. — Если космический холод дойдет до

твоего солнечного сплетения — серебряный воздушный вихрь заклинит окончательно. Энергия земли и огня рванет внутрь, и нас всех размажет по этим стенам кинетическим вакуумом. Держись за верстак. Мне нужно извлечь остатки яда физически. Через твои каналы.

Она приблизила латунный щуп к рваной ране на моем плече. Изумрудный кристалл на конце прибора налился плотным, ровным зеленым свечением, активируя пространственную линзу микро-фильтрации сред. Кристина аккуратно, с хирургической точностью вонзила металлический наконечник прямо в поврежденные ткани, прощупывая структуру меридианов.

— Гх-а-а-а-ах! — дикий, полный нечеловеческой муки крик вырвался из моей груди.

Я мертвой хваткой левой руки вцепился в дубовую столешницу верстака; дерево под моими пальцами с тихим скрежетом деформировалось и трещало. Физическая боль была настолько абсолютной, всеобъемлющей, словно мои кости изнутри перемалывали тяжелыми шестеренками трансконтинентального локомотива. Моё тело трясло от крупной, холодной дрожи магического истощения. Из раны вслед за щупом потянулись тонкие, фосфоресцирующие зеленые нити «Черного Инея», которые с тихим шипением испарялись в воздухе капонира, оставляя на латуни прибора черную окалину.

Кристина действовала быстро, без лишних слов. Её серебряные браслеты-резонаторы на запястьях зазвенели на частоте ломающейся стали, удерживая ментальный лабиринт ложных отражений вокруг каземата, чтобы внешние радары ищейки Карамзина не зафиксировали эту вспышку уральской боли. Её лицо было бледным от ментального перенапряжения, а на губах застыла горькая, болезненная ухмылка преданного Архитектора.

Когда последняя струя яда покинула мои каналы, Кристина бессильно опустила руки. Щуп с глухим стуком покатился по паркету. Девушка привалилась лбом к моему здоровому левому колену, её узкие плечи судорожно вздрагивали. В полумраке туннеля, едва подсвеченном фиолетовым мерцанием её браслетов, её образ Главного Архитектора окончательно растаял, обнажая израненную душу человека, который доверил свою жизнь титану и боится быть раздавленным его поступью.

— Ты думаешь, что мы пошли за тобой на Сухаревку и везли контрабандой золото только потому, что ты носишь великое имя рода Димидовых? — тихо, с горьким надрывом произнесла она, не поднимая головы. — Ты воспринимаешь свою гвардию только как тактический инструмент, Демид Кириллович. Как детали сложного механизма твоего Истинного Горнила. Алексей обжег руки, Анна пробита копьем, Степан сломан... Мы связали свои судьбы с твоим уральским уделом до самого конца не ради министерских орденов. Нам страшно. Мне страшно оказаться просто расходным материалом в твоей войне с Сенатом. Но мы здесь. И мы не отступим, пока твоё сердце бьется. Кончай винить себя. Ты — наш командир. Поднимайся и веди нас на этот штурм.

Её слова, пропитанные глубокой, чистокровной преданностью и отчаянием, мазнули по моему заблокированному сознанию лучше любого целительского плетения. Мой заклинивший серебряный вихрь Воздуха и Эфира внутри Горнила испуганно мигнул, поймал частоту её ментального тепла и с глухим, утробным свистом повернулся в обратную сторону. Багрово-золотые токи уральской земли мощно завибрировали в моих костях, намертво запечатывая поврежденные меридианы правого плеча и выжигая остатки боли новой, вольфрамовой коркой тактической ярости.

Я медленно поднял левую руку и мягко, но непреклонно положил ладонь на её холодное плечо, заставляя Кристину поднять голову и посмотреть мне прямо в глаза. В глубине моих карих зрачков совершенно открыто, пробивая остатки кольца сокрытия, вновь яростно и глубоко зажегся трехцветный фиолетово-серебряный огонь правителя Урала.

— Ты ошибаешься, Кристина, — ровно, сочной свинцовой прохладой произнес я, и мой голос заставил гранитные своды капонира зазвенеть прежней суверенной мощью. — Если бы я считал вас просто деталями механизма, я бы оставил вас в Санкт-Петербурге, а сам спустился

в эти штольни один. Моя гвардия — это не расходный материал. Вы — костяк моего будущего дома. Мои зубы и мой разум в этой Империи. Боль каждого из вас отзывается во мне тяжелее, чем выжигающий зуд моих искусственных каналов. И именно поэтому я больше никогда не допущу подобной ошибки. Мы пройдем этот Урал вместе. И Карамзины заплатят за каждую каплю крови Степана и за каждый шрам на твоих руках. Доверься мне, Главный Архитектор. Обратной дороги действительно нет. Но впереди нас ждет триумф правителей.

Кристина Волкова долго, не мигая, смотрела в моё лицо. Её дыхание постепенно выравнилось, бледность сошла, уступая место решительному румянцу, а зеленые глаза вновь зажглись фанатичным блеском верного союзника. Она крепко сжала мою руку на своем плече и кивнула.

Глава 7. Прорыв из подземелья

Гранитная пыль, поднятая недавним обрушением усыпальницы, медленно оседала на почерневшие от времени титановые верстаки отцовской слесарной мастерской. В сыром воздухе капонира висел плотный, покалывающий кожу озоновый след — моё Истинное Горнило внутри солнечного сплетения, приняв финишный стабилизирующий импульс от Кристины, теперь работало в режиме звенящей, леденящей эффективности. Багрово-золотые токи уральской земли намертво запечатали повреждения искусственных меридианов в моем правом плече, а серебряный вихрь Эфира, вновь набравший безумную скорость, даровал телу прозрачную легкость.

— Демид! Гляди-ка, что я откопал за оружейными стеллажами! — негромко, сочной казачьей хрипотцой позвал Алексей Морозов.

Тобольский казак стоял у дальней стены мастерской, где за проржавевшими чугунными листами обшивки скрывалась глубокая техническая ниша. Левой рукой он бережно удерживал плотный, потемневший от времени холщовый свиток, запечатанный личным сургучным клеймом моего отца Кирилла Святославича — глубоким пурпуром со змеями.

Я подошел ближе, прихрамывая на левую ногу, но удерживая спину безупречно прямо. Моё строгое черное пальто было наброшено на левое плечо, а карие глаза из-под козырька кепки педантично зафиксировали геометрическую вязь чертежей, которые Морозов осторожно развернул на массивной дубовой столешнице.

Это были не обычные ведомственные схемы Лицея. Перед нами лежали личные, засекреченные расчеты моего отца 1914 года — проект «Тяжелого волновода магматического резонанса». Чертежи описывали уникальный артефактный контур, способный через ультразвуковое сопряжение сред подключаться напрямую к тектоническим пластам уральского гранита, минуя любые латунные накопители и министерские фильтры частот.

Кристина Волкова мгновенно наклонилась над верстаком. Её зеленые глаза за стеклами защитных очков зажглись ровным, фанатичным блеском инженера-исследователя, а серебряные браслеты-резонаторы на узких запястьях отозвались тонким, высокочастотным звоном.

— Демид... Это гениально, — прошептала она, и её пальцы инженера кропотливо поползли по светящимся нитям трехмерной голограммы, которую её пространственный дар соткал над пергаментом. — Твой отец создавал эту систему для экстренного демонтажа несущих конструкций замка на случай полной оккупации уезда. Если пустить энергию твоего Истинного Горнила сквозь этот магматический контур, частота разрушения вырастет в геометрической прогрессии. Но нам нужен излучатель огромной плотности.

— Мой «Горн»... — Кузьма Попов решительно шагнул из своего угла, его веснушчатое лицо было сосредоточенным и непривычно суровым. Он поднял из угольной пыли матовый вольфрамовый раструб своего прибора. — Демид, если мы смонтируем эти волноводы прямо на титановый корпус моего резонатора, мы сможем ювелирно поймать частоту вибрации центральных чугунных опор замка. Одним импульсом.

Парень оскалился, его зубы перестали стучать от страха, а пальцы намертво вцепились в латунные рукояти:

— Граф Карамзин прямо сейчас собирает Коллегию Сената в Большом тронном зале наверху. Они готовят официальный рапорт в Санкт-Петербург о введении внешнего управления Министерством финансов. Если я выдам стопроцентный овердрайв сквозь отцовский волновод — центральные перекрытия замка обрушатся прямо на их министерские столы. Мы похороним Коллегию под этим лабрадоритом до того, как они успеют подписать декрет!

— Сто процентов мощности тебя размажет обратной акустической волной, Кузьма, — ровно, сочной свинцовой прохладой произнес я, поворачиваясь к другу. В моих карих глазах на долю секунды, пробивая маскировку, холодно и глубоко блеснул фиолетово-серебряный отсвет Горнила. — Твоё ядро звука едва теплится после эфирного удара Карамзина. Ты не выдержишь такой плотности.

— Я выдержу, Демид! — выкрикнул Кузьма, и в его серых глазах запеклась та самая чистокровная гордость сыгранного боевого братства, которую мы выковывали на Таймыре. — Ты спас Степана, ты выжег яд из своего плеча... Моя кровь — это кровь великого акускопа Попова! Я поверну регулятор на максимум. Но ты должен удержать за моей спиной воздушный амортизатор из магии Эфира.

Я долго, в абсолютной, звенящей тишине остывающего капонира разглядывал лица своих соратников. Линия обороны, выстроенная ночью, держалась намертво на их верности. Они не были просто шестеренками механизма моего отца — они были моим тактическим монолитом, моими зубами в этой Империи. И цена их страха теперь переплавлялась в чистое золото уральской вендетты.

— Кристина, сколько времени нужно на монтаж? — спокойно спросил я, поправляя воротник серой шинели.

— Двадцать минут, командир, — Кристина уже извлекла из походной сумки тонкий плазменный тигель, и её пальцы лихорадочно начали перебирать внутренности вольфрамового рас-труба Кузьмы. — Мои пространственные фракталы удержат частотуковки. Степан, держись.

Коренастый казак Лисицын, лежавший на топчане, глухо ухмыльнулся сквозь зубы, превозмогая боль в раздробленном бедре:

— Выжигайте их, Ваше Сиятельство... Моя земля говорит, что чугу́н замка заждался хозяйского голоса. Я прикрою штрёк остатками своего фона, если министерские палачи сунутся через вентиляцию.

Монтаж шёл в условиях жесточайшего дефицита времени. Воздух в мастерской становился тяжелым и липким — датчики Кристины фиксировали, что поисковые иглы разума Ксении Радзивилл ищейками мазали по внешним блокам нашего капонира, пытаясь нащупать ментальные следы нашей крови. Командир палачей Сената вел свой отряд на зачистку нижних ярусов.

К полудню модернизированный «Акустический Горн» Кузьмы был полностью взведен. Корпус прибора, опутанный новой латунной вязью отцовских волноводов магматического резонанса, зловеще пульсировал глубоким малиновым свечением.

— Они на лестнице, Демид! — хрипло выдохнул Алексей Морозов, прижав ухо к чугу́нному косяку внутренней переборки штрёка. — Человек восемь диверсантов Коллегии. Идут кучно, под прикрытием тяжелых ледяных щитов. До нашей заслонки им осталось менее минуты.

— Кузьма, выходим на огневую позицию к центральному вентиляционному колодцу под тронным залом, — отрезал я, и моё Истинное Горнило сыто и мощно совершило полный оборот. — Алексей — ведешь Кузьму. Кристина — держи пространственную линзу на максимуме сжатия вокруг волновода. Мы примем этот бой на вертикальном векторе.

Мы бесшумными тенями скользнули вглубь узкого дренажного туннеля, выходящего прямо к циклопической вентиляционной шахте Главного Горна замка. Прямо над нашими головами, отделенный лишь массивными чугунными решетками и стопудовыми перекрытиями лабрадорита, гудел Большой тронный зал, где граф Петр Карамзин в этот самый момент зачитывал перед министерскими экспертами свой торжественный рапорт в Правительствующий Сенат.

Кузьма Попов встал по центру колодца, широко расставив сапоги на стальных швеллерах пола. Его пальцы, испачканные в мазуте и копоты ковки, намертво вцепились в титановые рукояти модернизированного прибора. Матовый вольфрамовый раструб «Горна» был направлен строго вверх, точно в основание центральной чугунной станины, удерживающей свод всего южного бастиона замка.

Я шагнул за его спину, вытянув левую руку вперед. Моё вороненое кольцо-концентратор на пальце зазвенело на частоте ломающейся стали, создавая вокруг фигуры друга плотный, многослойный воздушный амортизатор из магии чистого Эфира и сжатого Воздуха четвертого тактического уровня.

— Ну что, столичные твари... — леденящим шепотом произнес я, и в моих карих глазах совершенно открыто, без всяких покровов, яростно и глубоко вспыхнул трехцветный огонь правителя Урала. — Посмотрим, чей гранит крепче перед лицом Свода Законов. Кузьма, огонь на сто процентов!

Попов-младший зажмурился от первобытного страха и со всей силы, на какую был способен его проснувшийся дар, крутанул рунный регулятор мощности до финиша, выжимая из прибора абсолютный овердрайв.

И подземный мир княжества Демидовых содрогнулся от рукотворного апокалипсиса.

БА-А-А-А-А-А-МММ!!!

Этот звук не был обычным взрывом или бытовым акустическим хлопком. Модернизированный отцовскими магматическими волноводами «Горн», приняв в себя колоссальную плотность уральской маны земли напрямую из моего Горнила, выдал направленный низкочастотный импульс такой чудовищной, резонансной силы, что само пространство в вентиляционной шахте на долю секунды визуально исказилось, превратившись в дрожащее серое марево.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.